

УДК 343.241

ВЛИЯНИЕ УЧЕНИЯ ПРОФЕССОРА И. С. ТИШКЕВИЧА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ НАКАЗУЕМОСТИ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются аспекты формирования в белорусском законодательстве оснований наказуемости неоконченного преступления с учетом научных идей профессора И. С. Тишкевича. Анализируются особенности воплощения теоретических разработок известного советского и белорусского ученого в нормах об уголовной ответственности (основаниях и условиях, системе мер, порядке применения) действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь в ракурсе накопленного опыта национальной судебной практики по уголовным делам и преобразований, произошедших в уголовно-правовой политике Беларуси. Обсуждаются и обосновываются современные подходы к дифференциации пределов наказуемости за приготовление к преступлению и покушение на преступление. Развивается теория дифференциации пределов наказуемости неоконченного преступления. Делается вывод о необходимости закрепления в уголовном законе правила назначения окончательного наказания путем поглощения менее строгого наказания более строгим в случаях, когда в совокупность преступлений входит хотя бы одно тяжкое или особо тяжкое неоконченное преступление, существенно отличающееся степенью общественной опасности от иных неоконченных преступлений, образующих совокупность. Предлагается установить в законе ограничение общих максимальных пределов окончательного наказания по совокупности неоконченных преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе Республики Беларусь, при определении его путем частичного или полного сложения.

Ключевые слова: неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; наказуемость; дифференциация наказания; судебная практика; санкция.

THE DOCTRINE OF PROFESSOR I. S. TISHKEVICH AND ITS INFLUENCE ON THE GROUNDS FOR PUNISHMENT OF AN UNFINISHED CRIME

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article studies the aspects of formation in the Belarusian legislation of the grounds of punishment of an unfinished crime paying attention to the scientific ideas of professor I. S. Tishkevich. It analyzes the characteristics of the implementation of the theoretical developments of the famous Soviet and Belarusian scientist in the norms of criminal liability (grounds and conditions, system of penalties, order of application) of the Criminal code of the Republic of Belarus (1999) from the perspective of the accumulated experience of the national judicial practice in criminal cases and the transformations that have occurred in the criminal law policy of Belarus. Modern approaches to differentiation of limits of punishment for preparation for a crime and attempt at a crime are being discussed and substantiated by that article. It also develops the theory of differentiation of the limits of punishment of an unfinished crime. It is concluded that it is necessary to add in the criminal law the rules of final punishment by absorbing a less severe punishment more severe in cases where the set of crimes in-

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Влияние учения профессора И. С. Тишкевича на формирование оснований наказуемости неоконченного преступления. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2018;3:36–42.

For citation:

Shidlovsky AV. The doctrine of professor I. S. Tishkevich and its influence on the grounds for punishment of an unfinished crime. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2018;3:36–42. Russian.

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по учебно-воспитательной работе, доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Andrei V. Shidlovsky, PhD (law), docent; deputy of dean for educational work, associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
shidlovsky_a@mail.ru

cludes at least one serious or particularly serious unfinished crime, significantly distinctive from the other unfinished crimes forming a set in the degree of public danger. It is proposed to establish in the law the restriction of the maximum limits of the final punishment for a set of unfinished crimes provided in the Criminal code of the Republic of Belarus, in determining it by partial or complete addition.

Key words: unfinished crime; preparation for a crime; attempted crime: punishability; differentiation of punishment; judicial practice; sanction.

Введение

Вопросы правовой природы и оснований наказуемости неоконченного преступления комплексно исследовались выдающимся ученым-криминалистом XX столетия – профессором И. С. Тишкевичем. В 1953 г. им была защищена кандидатская диссертация, посвященная правовому анализу приготовления и покушения в советском уголовном праве [1]. Результаты диссертации получили развитие в последующих трудах И. С. Тишкевича, обобщенным итогом которых стала опубликованная в 1958 г. монография «Приготовление и покушение по советскому уголовному праву» [2].

Ученый доказал, что «принцип наказуемости лишь тех действий, которые содержат в себе состав преступления, сохраняет свою силу и в случаях привлечения к уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность», а для «...уголовного осуждения в этих случаях необходимо и достаточно, чтобы виновный *частично* выполнил состав того или иного конкретного преступления» [3, с. 28]. При этом объективным условием уголовной ответственности, по его мнению, является совершение общественно опасного действия или бездействия, а субъективным – вина: «Эти условия имеются на-

лицо и в случае, когда совершение преступления не доводится до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» [3, с. 29].

Авторы концепции действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) 1999 г. восприняли идеи профессора И. С. Тишкевича, воплотив их в нормах об уголовной ответственности, в частности, в ее основаниях и условиях, системе мер, порядке реализации [4]. Так, в ст. 10 УК (Преступление как основание уголовной ответственности) закреплено концептуальное положение, определяющее правовую модель института уголовной ответственности:

«Основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного настоящим Кодексом деяния в виде:

- 1) оконченого преступления;
- 2) приготовления к совершению преступления;
- 3) покушения на совершение преступления;
- 4) соучастия в совершении преступления» [4].

Таким образом, приготовление к совершению преступления и покушение на совершение преступления уголовный закон признает самостоятельными основаниями уголовной ответственности.

Основная часть

Весьма важными научными идеями И. С. Тишкевича в вопросах правовой оценки неоконченного преступления, сформулированными и теоретически обоснованными в его трудах, являются подходы к дифференциации пределов наказуемости неоконченного преступления.

Еще в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. законодателем была предпринята попытка отказаться от ответственности за приготовление преступления. Однако она не оправдала себя, и последующее уголовное законодательство прямо указывало на наказуемость приготовления как «начальной стадии совершения преступления» [3, с. 86]. И. С. Тишкевич обосновывал необходимость установления наказуемости приготовления тем, что это «позволяет пресекать преступные посягательства в их зачаточной стадии и тем самым предотвращать наступление их вредных последствий» и «...делает борьбу с преступлениями более эффективной, усиливает предупредительное значение наказания» [3, с. 86]. Вместе с тем

о конструкции ответственности за приготовление к преступлению автор полемизирует с советскими теоретиками уголовного права и приходит к заключению о целесообразности закрепления в уголовном законе перечня преступных деяний (исходя из общественной значимости объекта посягательства), при совершении которых приготовление представляет опасность для общества [3, с. 85–94].

Мысль ученого об ограничении наказуемости приготовления преступления путем установления конкретного круга преступлений [3, с. 238–240] нашла воплощение в ч. 2 ст. 13 УК, в соответствии с которой приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет. Уголовная ответственность наступает за приготовление к менее тяжкому, тяжкому и особо тяжкому преступлению. В нормах ч. 3 ст. 13 и ч. 2 ст. 14 УК предусмотрено, что ответственность за приготовление к совершению преступления и за покушение на совершение

преступления наступает по той же статье Особенной части УК, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данные статьи.

Развивая теорию дифференциации пределов наказуемости неоконченного преступления, И. С. Тишкевич писал: «Поскольку критерии определения наказания за приготовление и покушение в основном одни и те же, их целесообразно изложить в одной, общей статье..., в которой в соответствии с принципом факультативного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность должно быть установлено, что приготовление и покушение наказываются по статье, предусматривающей соответствующее оконченное преступление, однако при определении наказания учитываются стадия совершения преступления, обстоятельства и причины, в силу которых преступное деяние не было доведено до конца, степень подготовленности преступления, а также близость наступления преступного результата» [3, с. 238–239].

Назначение наказания за неоконченное преступление регулируется в ст. 67 УК, где в ч. 1 говорится о необходимости учитывать характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и обстоятельств, в силу которых преступление не было доведено до конца. Предварительная преступная деятельность, как правило, обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с оконченным преступлением. Важно учитывать при назначении наказания стадию, на которой было прервано совершение преступления (приготовление или покушение), и те действия, которые фактически выполнены для достижения преступного результата. Приготовление к преступлению наказывается мягче, чем покушение на преступление. Это объясняется исторически сложившейся и отмеченной в трудах И. С. Тишкевича закономерностью: чем ближе преступное деяние к результату, тем выше мера наказания [3, с. 239].

Для определения меры наказания важное значение имеет классификация покушения на оконченное и неоконченное. При оконченном покушении проявляется более высокая степень общественной опасности виновного, так как он выполнил все необходимые действия для достижения преступного результата, не наступившего по не зависящим от его воли причинам. Это дает основание для избрания за оконченное покушение более сурового наказания. Покушение может обладать не меньшей опасностью, чем оконченное преступление. Всегда нужно учитывать объем уже выполненных преступных действий в пределах соответствующей стадии преступной деятельности. Все это говорит о степени осуществления преступного намерения. Строже наказывается покушение в случае причинения последствий по сравнению с покушением, не причинившим никакого вреда (например, покушение на убийство, при-

чинившее тяжкие телесные повреждения, является более опасным по сравнению с аналогичным покушением, не повлекшим таких повреждений).

Таким образом, мера наказания за покушение должна приближаться к мере наказания за оконченное преступление тогда, когда действия виновного свидетельствуют о его твердом намерении и упорном стремлении добиться результата.

В уголовно-правовой литературе высказывалось мнение (Н. Д. Дурманов), что при решении вопроса о наказуемости приготовительных действий необходимо учитывать общее назначение предметов и орудий, приобретаемых субъектом для совершения преступления, т. е. являются ли они предметами обычного обихода или орудиями, специально служащими для выполнения преступных действий [3, с. 80–81]. В целом, подвергая критике такой подход, И. С. Тишкевич указывал: «Приобретение предметов бытового обихода с целью их использования для совершения преступления редко может служить предметом судебного рассмотрения, но не потому, что эти действия малозначительны, а потому, что они сами по себе в достаточной мере не выявляют вонне преступной цели» [3, с. 81]. Однако если умысел на совершение преступления доказан, то, по мнению ученого, «приготовительные действия, выразившиеся в приобретении в качестве орудий преступления предметов обычного обихода, могут быть признаны общественно опасными и уголовно наказуемыми с учетом тяжести подготавливаемого преступления» [3, с. 82].

Судебная практика знает случаи покушения путем бездействия. Умышленное бездействие лица, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, признается покушением на преступление и в ч. 1 ст. 14 УК. Полагаем, что степень опасности виновного в преступном бездействии в случае покушения при прочих равных условиях менее значительна, чем при покушении, выразившемся в активных действиях. Для индивидуализации наказания учет характера деяния при покушении (действие или бездействие), несомненно, имеет большое значение.

Судебная практика всегда исходила и исходит ныне из того, что покушение возможно лишь с прямым умыслом (п. 2 постановления № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 139 УК)) [5]. Этой же позиции придерживается подавляющее большинство ученых-криминалистов. Однако необходимо указать, что на степень общественной опасности личности виновного может влиять вид умысла, зависящий от времени его формирования (заранее обдуманый или внезапно возникший). Как правило, заранее обдуманные и тщательно спланированные лицом деяния, на-

правленные на совершение преступления, более опасны для общества, чем прерванное преступление, умысел на совершение которого возник у виновного внезапно (иногда минув даже стадию приготовления к преступлению, например при попытке лица реализовать внезапно возникшее намерение на совершение кражи благодаря подвернувшемуся случаю). Поэтому мера наказания за покушение на преступление должна отражать и степень общественной опасности личности виновного с учетом вида умысла, определяемого в зависимости от времени его возникновения (заранее обдуманый или внезапно возникший).

Особый вопрос о пределах наказуемости покушения на преступление в уголовном праве занимает его классификация на годное и негодное. Последнее известно как покушение на негодный объект (или предмет посягательства) и покушение с негодными средствами. Против такого подхода выдвигал серьезные возражения И. С. Тишкевич, доказывая, что оно теоретически и практически неоправданно [3, с. 166–171]. Суть покушения на негодный объект раскрывается в неправильном представлении лица об объекте посягательства (объект либо непригоден, либо вовсе отсутствует в момент покушения): попытка украсть из кармана, который был пуст; выстрел в пустую постель, в которой, по мнению преступника, должен был находиться потерпевший и т. п.

По общему правилу, степень общественной опасности личности виновного при покушении с негодными средствами или при покушении на негодный объект (предмет) не снижается. Названные виды покушения выделяются характером причин недоведения преступления до конца и не устраняют умысла виновного, не изменяют стойкости его желания наступления преступных последствий. В связи с этим определение меры наказания здесь без всяких исключений должно подчиняться правилам назначения наказания за неоконченное преступление, предусмотренным в ч. 1 ст. 67 УК.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в случаях так называемого покушения с негодными средствами, избранными лицом в силу крайнего невежества, суеверия (использование заклинаний, колдовства, совершение каких-либо иных магических действий) ответственность исключается. Установить причинную связь между подобными действиями и наступившим негативным результатом теоретически и практически невозможно. Такой подход в отечественном уголовном праве укоренился и признается традиционным. Однако надо понимать, что с учетом современного развития науки, применяемого арсенала средств для целей совершения преступления вопрос о наказуемости в случаях преступного покушения с «нетрадиционными» средствами (например, использование гипноза и других экстрасенсорных вариантов воздей-

ствия на психику потерпевшего) актуализируется и подлежит научному переосмыслению. Во всяком случае в подобного рода уголовных делах, на наш взгляд, необходима доказательственная база относительно «годности» средств, используемых человеком в преступной деятельности.

Таким образом, при оценке степени осуществления преступного намерения следует учитывать прежде всего объем совершенных виновным действий, проявления его воли к достижению результата (интенсивность выполнения преступных действий, их согласованность и спланированность, отражение в преступном поведении профессиональной сноровки и т. п.), являлось ли покушение неоконченным или оконченным.

В литературе встречается утверждение, что «...причины, помешавшие осуществлению начатого общественно опасного деяния, не могут влиять на... избрание меры наказания, поскольку они... лежат за пределами деяния и личности виновного» [6, с. 19]. В монографии, посвященной вопросам индивидуализации наказания, вышедшей в России в 2002 г. [7, с. 144], отражается более осторожный, но, по сути, близкий этой позиции подход. Автор (О. А. Мясников), в частности, пишет, что «установление причин недоведения преступления до конца имеет решающее значение для квалификации..., а не при определении наказания за приготовление и покушение» [7, с. 144].

Мы считаем, что при назначении наказания нельзя не учитывать причину, поставившую заслон для дальнейшего осуществления преступного намерения. Однако не вызывает сомнений то, что посягательство всегда прерывается помимо воли лица, вследствие внешних факторов, т. е. причины недоведения преступления до конца являются объективными. Обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца, могут свидетельствовать о большей или меньшей опасности содеянного (например, неопытность виновного, неудачное составление плана совершения преступления, неявка исполнителя к назначенному месту, вмешательство представителя власти, своевременное изобличение, задержание виновного, сопротивление потерпевшего). И. С. Тишкевич по данному поводу писал: «Характер этих причин имеет немаловажное значение для определения общественной опасности преступника и выполненных им приготовительных действий, <...> суды, как правило, должны назначать за приготовление наказания значительно сниженное, приближающееся к низшему пределу санкции соответствующей статьи уголовного кодекса» [3, с. 78].

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 3 постановления № 1 от 26 марта 2002 г. «О назначении судами уголовного наказания» подчеркивает обязанность суда учитывать причины, вследствие которых преступление не было доведено до

конца [8]. Практика назначения наказания за неоконченное преступление судами первой инстанции в Республике Беларусь показывает, что при мотивировке меры наказания учитывается, как правило, сам факт недоведения преступления до конца, в то время как причины этого чаще оставляются без внимания.

Обобщение судебной практики назначения наказания судами Республики Беларусь в 2001–2017 гг. за покушения на преступления, к сожалению, выявило, что суды первой инстанции нередко полностью игнорируют данное обстоятельство. Так, в приговоре суда Ленинского района г. Гродно по делу Г. о покушении на открытое похищение имущества при обосновании меры наказания лаконично указано: «...учел, что преступление не было доведено до конца» [9]. Причины этого судом не приводятся.

Наказуемость предварительной преступной деятельности вызывает наибольшую сложность в судебной практике. Законодательная практика зарубежных государств знает два варианта решения вопроса о наказании приготовления к преступлению и покушения на преступление: либо в пределах санкции, предусмотренной за окончательное преступление, либо по правилам обязательного снижения наказания.

От обязательного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность законодатель отказался еще в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., в которых ст. 20 устанавливала, что стадия совершения преступления «сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника». Принцип «факультативного смягчения наказания за покушение» получил дальнейшее развитие в первом советском Уголовном кодексе 1922 г. (ст. 14), где специально закреплялось право суда учитывать при определении наказания за отсутствие или незначительность вредных последствий покушения [3, с. 172–173].

Профессор И. С. Тишкевич предлагал «оговорить право суда снижать наказание за приготовление ниже низшего предела, указанного в соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса» [3, с. 239]. В УК Республики Беларусь нет требований об обязательном смягчении наказания за приготовление и покушение в отличие от наказания за окончательное преступление. В качестве исключения уголовный закон закрепил положение о неназначении смертной казни за приготовление к преступлению и покушение на преступление (ч. 2 ст. 67 УК). Не влечет уголовную ответственность приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности (ч. 2 ст. 13 УК). Таким образом, белорусское уголовное право, придерживаясь принципа факультативного смягчения наказания за покушение, допускает назначение того же наказания, как и за окончательное преступле-

ние вплоть до применения исключительных мер наказания – пожизненного заключения и смертной казни (например, в случаях приготовления и попытки совершения преступлений против мира и безопасности человечества, государства, жизни человека).

Статья 66 Уголовного кодекса РФ устанавливает следующие ограничения верхних границ наказания: за приготовление к преступлению (ч. 2) не больше половины срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией за окончательное преступление, и трех четвертей – за покушение на преступление [10]. Аналогичный подход к дифференциации назначения наказания за неоконченное преступление – путем формального ранжирования ограничений наказуемости в зависимости от вида предварительной преступной деятельности – существует и в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики [11].

Думается, что сама по себе стадия преступной деятельности не может служить основанием для смягчения наказания. Например, жизнь потерпевшего вопреки воле виновного была спасена благодаря усилиям высококвалифицированных медработников. Общественная опасность личности покушавшегося на жизнь потерпевшего от этого не уменьшается.

Результаты анализа практики назначения наказания по делам о покушениях в Республике Беларусь за последние три года показывают, что в подавляющем большинстве случаев неоконченность преступления не расценивается в качестве безусловного основания для смягчения наказания. Поэтому мы не являемся сторонниками закрепления в законе правила об автоматическом применении в отношении виновного «привилегированного» наказания. Вместе с тем считаем, что равная наказуемость приготовления, покушения и окончательного преступления во всех случаях совершения одного и того же вида преступления недопустима, так как прямо будет противоречить принципу индивидуализации наказания. Мера наказания должна отвечать тяжести содеянного и степени опасности преступника.

Особым вопросом является дифференциация наказуемости в группе усеченных составов, в которых момент окончания преступления перенесен законодателем на стадию приготовления или покушения. Наказание здесь назначается судом как за окончательное преступление в границах, установленных в санкции. В уголовном законе такие составы чаще описывают тяжкие и особо тяжкие преступления (например, ст. 207, 285, 286 УК). Характерной чертой этих преступлений является не отсутствие общественно опасных последствий, а то, что «деяние признается окончательным... даже и в случаях, когда объект только поставлен в опасность причинения ущерба» [3, с. 30–31].

В соответствии с учением И. С. Тишкевича общественная опасность неоконченного преступления заключается «в поставлении правовых объектов в опасность причинения ущерба, в создании реальной угрозы... общественным отношениям» [3, с. 32–33]. При неоконченном преступлении вредные последствия могут иметь место (например, покушение на убийство может сопровождаться телесными повреждениями). Это обстоятельство непременно должно оцениваться при назначении наказания.

Следует особо обратить внимание на порядок применения правил назначения наказания за неоконченное преступление в сочетании с другими специальными правилами назначения наказания и прежде всего – с положениями ст. 65, 72 УК.

При назначении наказания за неоконченное преступление лицу, имеющему судимости за умышленное преступление (например, если ранее это лицо два раза было осуждено к лишению свободы за умышленные преступления, то в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 43 УК рецидив признается опасным), следует сначала учитывать требования, предусмотренные в ч. 1 ст. 67 УК, касающиеся вновь совершенного посягательства, а затем применять правила ст. 65 УК, относящиеся к рецидиву преступлений.

Если среди преступлений, образующих совокупность, одно из них является неоконченным, то наказание за него назначается сначала с учетом правил ст. 67 УК, а затем определяется окончатель-

ное наказание по совокупности преступлений с соблюдением установленных в ст. 72 УК требований. Применяя правила ч. 3 ст. 72 УК, суды, как правило, определяют окончательное наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, назначаемых за оконченное и неоконченное преступление.

Суд Оршанского района и г. Орши Витебской области по делу З. – директора одного из заводов – о получении взятки за заведомо незаконное действие и покушение на хищение путем использования служебных полномочий назначил по ч. 2 ст. 430 УК со ссылкой на ст. 70 УК исправительные работы сроком на один год шесть месяцев с удержанием 20 % из заработка осужденного без конфискации имущества и без лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, по ч. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 210 УК – исправительные работы сроком на шесть месяцев с удержанием 20 % из заработка осужденного без конфискации имущества и без лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Определяя окончательное наказание в соответствии с ч. 3 ст. 72 УК, суд применил частичное сложение наказаний, назначив исправительные работы сроком на один год восемь месяцев с удержанием 20 % из заработка осужденного без конфискации имущества и без лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью [12].

Заключение

Закон особо не регулирует порядок определения окончательного наказания по совокупности преступлений в тех случаях, когда в совокупность входят только неоконченные преступления. Учитывая, что степень общественной опасности предварительной преступной деятельности при прочих равных условиях менее значительна, чем при окончанном преступлении, полагаем вполне допустимым предусмотреть в уголовном законе возможность назначения окончательного наказания путем поглощения менее строгого наказания более строгим в тех случаях, когда в совокупность преступлений входит хотя бы одно тяжкое или особо тяжкое неоконченное преступление, существенно

отличающееся степенью общественной опасности от иных неоконченных преступлений, образующих совокупность. Окончательное наказание по совокупности неоконченных преступлений, определяемое путем частичного или полного сложения, в целом не может превышать установленных в ст. 72 УК общих максимальных пределов окончательного наказания [13, с. 252–253]. Считаем целесообразным установить в законе ограничение общих максимальных пределов окончательного наказания по совокупности неоконченных преступлений, предусмотренных в УК Республики Беларусь, при определении его путем частичного или полного сложения.

Библиографические ссылки

1. Тишкевич ИС. *Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве* [автореферат диссертации]. Минск: [б. и.]; 1953. 44 с.
2. Тишкевич ИС. *Приготовление и покушение по советскому уголовному праву*. Москва: Госюриздат; 1958. 260 с.
3. Тишкевич ИС. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2014. 484 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: подписан Президентом Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3: в редакции Закона Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 [Электронный ресурс]. *Эталон. Законодательство Республики Беларусь. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь*. Минск; 2018.

5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 [Электронный ресурс]. *Эталон. Законодательство Республики Беларусь. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь*. Минск; 2018.
6. Устинова ТД. *Назначение наказания за неоконченную преступную деятельность* [автореферат диссертации]. Москва: [б. и.]; 1980.
7. Мясников ОА. *Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике*. Москва: Юрлитинформ; 2002. 240 с.
8. О назначении судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1: в редакции постановлений Пленума Верховного Суда от 25 октября 2003 г. № 11; от 20 декабря 2007 г., № 19 [Электронный ресурс] *Эталон. Законодательство Республики Беларусь. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь*. Минск; 2018.
9. Суд Ленинского района г. Гродно. Архив. 2001. Дело № 1/164.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: подписан Президентом Российской Федерации 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в редакции Федерального закона от 29 июня 2018 г. № 227-ФЗ, № 229-ФЗ [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр»*. Москва; 2018.
11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г.: с изменениями и дополнениями на 20 января 2012 г. Баку: Юридическая литература; 2012.
12. Суд Оршанского района и г. Орши Витебской области. Архив. 2002. Дело № 1/853.
13. Шидловский АВ. *Назначение наказания по уголовному праву Беларуси*. Минск: БГУ; 2015. 295 с.

References

1. Tishkevich IS. *Ponyatie prigotovleniya i pokusheniya v sovetskom ugovnom prave* [The concept of preparation and attempt in the Soviet criminal law] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 1953. 44 p. Russian.
2. Tishkevich IS. *Prigotovlenie i pokushenie po sovetskomu ugovnomu pravu* [Preparation for a crime and attempted crime on the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat; 1958. 260 p. Russian.
3. Tishkevich IS. *Izbrannye trudy* [Selectas]. Minsk: Editorial board of the magazine «Industrial and trade law»; 2014. 484 p. Russian.
4. The Criminal code of the Republic of Belarus: adopted by the House of representatives 2 June 1999: approved by Council of Republic 24 June 1999: signed by the President of the Republic of Belarus 9 July 1999 No. 275-3: as amended by the Law of the Republic of Belarus, 18 July 2017 No. 53-3 [retrieval system]. *Etalon. National center of the legal information of the Republic of Belarus*. Minsk; 2018. Russian.
5. On judicial practice in murder cases (article 139 of the Criminal code): Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus, 17 December 2002 No. 9 [retrieval system]. *Etalon. National center of the legal information of the Republic of Belarus*. Minsk; 2018. Russian.
6. Ustinova TD. *Naznachenie nakazaniya za neokonchennuyu prestupnyuyu deyatel'nost'* [Assignment of punishment for uncompleted criminal activity] [dissertation abstract]. Moscow: [publisher unknown]; 1980. Russian.
7. Myasnikov OA. *Smyagchayushchie i otyagchayushchie nakazanie obstayatel'stva v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoi praktike* [Mitigating and aggravating circumstances in the theory, legislation and judicial practice]. Moscow: YurLitinform; 2002. 240 p. Russian.
8. About appointment by courts of criminal punishment: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus 26 March 2002 No. 1: as amended by the resolutions of the Plenum of the Supreme Court from 25 September 2003 No. 11; 20 December 2007 No. 19 [retrieval system]. *Etalon. National center of the legal information of the Republic of Belarus*. Minsk; 2018. Russian.
9. [Grodno Leninsky District Court. Archive. 2001. Case No. 1/164]. Russian.
10. Criminal code of the Russian Federation: adopted by the State Duma 24 May 1996: approved by Federation Council 5 June 1996: signed by the President of the Russian Federation 13 June 1996 No. 63-ФЗ: as amended by the Federal law, 29 July 2018 No. 227-ФЗ, № 229-ФЗ [retrieval system]. *ConsultantPlus / LLC «Yurspektr»*. Moscow; 2018. Russian.
11. Criminal code of the Republic of Azerbaijan: approved by the Law of the Republic of Azerbaijan, 30 December 1999: with changes and additions 20 January 2012. Baku: Yuridicheskaya literatura; 2012. Russian.
12. [Orsha and Orsha district Court of the Vitebsk region. Archive. 2002. Case No. 1/853]. Russian.
13. Shidlovsky AV. *Naznachenie nakazaniya po ugovnomu pravu Belarusi* [Sentencing in criminal law of the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 295 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.09.2018.
Received by editorial board 19.09.2018.